

ТОЧКА ЗРЕНИЯ АКТЕРА ВОЛКОВА

Актера Николая Волкова я увидела впервые в Москве, в спектакле театра на Малой Бронной «Платон Кречет». Признаться, не очень хотелось идти смотреть эту старую и, как казалось, уже «отыгранную» пьесу Корнейчука. В моем сознании она прочно принадлежала истории театра — наше поколение по книгам, по журнальным статьям изучало, как играл роль Кречета Борис Добронравов в знаменитом спектакле МХАТа. Да и сама тема пьесы 30-х годов — становление советской интеллигенции, казалось имеет лишь исторический интерес.

Но начался спектакль, появился на сцене Кречет — Волков — и рассуждать стало некогда. Захотелось смотреть. Этот внешне неимпозантный, высокий, с сутулинкой человек меньше всего подходил к канонам привычного положительного героя.

Но говорил он и действовал так, что заставлял очень пристально взглянуть на него. Ну, а потом этот Кречет приткрыл перед нами такую щедрость, такую душевную глубину, что мы до конца спектакля так и остались плененными этим прекрасным, цельным ярко талантливым человеком. И оказалось, в пьесе есть тема острейшей актуальности — отношение к своему делу, народу, стране. Именно в этой плоскости сталкивались характеры двух антиподов — Платона и Аркадия.

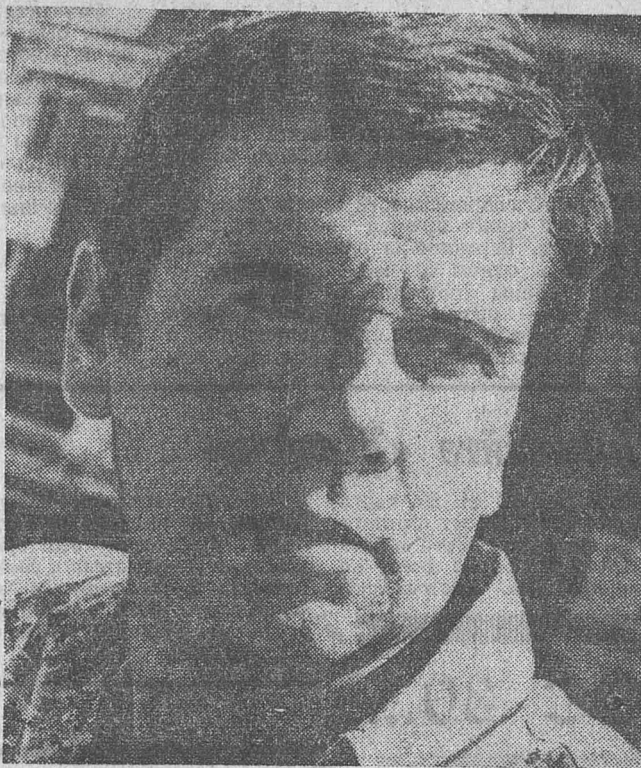
Я не случайно сказала, что Волков «приткрывает» своего героя. Он не любитель патетики. Ему интереснее намекнуть, чем показать во всю ширь. Эффект такого контраста оказывается впечатляющим. Его очень замкнутые, порой даже холодноватые герои получаются на поверку обладателями богатого и своеобразного внутреннего мира, людьми больших и сильных страстей. И это не только особенность актера Волкова. Это, пожалуй, его кредо.

Мне приходилось слышать от зрителей разные мнения. Одних Волков вполне устраивал, больше того восхищал. Они бурно радовались за театр, имеющий среди молодых актеров столь интересную творческую индивидуальность. Другие сетовали: «Но он же везде одинаков!» А Волков от спектакля к спектаклю проявлял удивительное упрямство — он словно бы специально не хотел быть «неодинаковым». Берите, мол, какой есть, всем угодить не могу. Просто глядите получше, не довольствуйтесь тем, что лежит на поверхности, мыслите.

Смотрите и мыслите. Это лучший путь к пониманию. «Я и не собираюсь, — всем своим видом говорит актер, играя Торчикова в «Физиках» и лириках» Волчека, — изображать этакого обаяшу. Звезда эстрады, что ли, чтобы срывать аплодисменты».

И длинный, упрямый, наивный Торчиков упорно не желает демонстрировать хороших манер, говорит монотонным, даже слегка неприятным, несильным голосом актера Волкова. Но вот этот Торчиков уже забрал наше зрительское внимание. Актер так интересно произносит текст роли, что боишься пропустить малейший оттенок мысли. Конечно же, перед нами интереснейший человек. Как говорится — индивидуальность. И вовсе не сухарь от науки — будет момент, и в нем чуть неуклюже, но сильно, как вспышка, прорвется и его одиночество, и любовь, когда он по-мужски властно и мягко (откуда что и взялось!) остановит секретаршу Зою: ему, дескать лучше знать, какой человек нужен ей, чтобы быть счастливой...

Видимо, именно эта особенность — проникать во внутренний мир персонажа, размышлять на наших глазах и увлекать нас своим размышлением обеспечила прочный успех исполнению Волковым роли следователя Мирека из чешского детектива Шубрта «За час до полуночи». Мирек сочувствует, глубоко сочувствует человеческому страданию. В жилах его горячая кровь.

Эта горячая кровь бурно пульсирует в жилах другого героя Волкова — монаха Лоренцо из «Ромео и Джульетты» Шекспира. Роль эта представляется лучшим, наиболее совершенным созданием актера. В спектакле москвичей Лоренцо молод. Он стоит рядом с Ромео и Джульеттой. Как более мудрый друг, он наставляет Ромео. Он отгоняет его отчаяние, когда тот, казалось, готов пасть духом. Лоренцо в спектакле — воплощение мудрого мужества, тот новый человек эпохи Возрождения, которого приветствовал Шекспир. И вместе с тем — это образ глубоко драматичный. Достаточно вспомнить эту высокую выразительную фигуру в длинных белых одеждах, тревожно шагающую по сцене, тяжкую горечь его заключительных реплик: Лоренцо не смог победить зло, пока что оно оказалось сильнее! И все же, мы верим в Лоренцо Волкова, верим, что, пусть обреченный на неудачу, он начал бы снова и снова свою борьбу. Тема Лоренцо вплетается органично в тему спектакля. Человек

должен быть человеком, чего бы это ему ни стоило. Слишком высоко его предназначение на земле, чтобы смириться.

Мы убедились: Волков умеет тактично отойти на второй план, если главная цель спектакля — показать во всей полноте другую фигуру. Именно так, в академичной, почти концертной манере играет он журналиста Марселя Блистана в спектакле о знаменитой французской певице Эдит Пиаф. Он здесь — только рассказчик, и Волков ни на минуту не забывает об этом.

Путь в искусстве нелегок. К успеху идут через неудачи. Они есть. Они еще будут. Обидно, что неудача постигла актера в роли, которую, казалось, он должен сыграть блистательно. Мы говорим о спектакле «Счастливые дни несчастного человека». Видимо, Волков не понял, не сумел прочувствовать до конца своего героя. Видимо, ему, актеру и человеку, не близок главный герой арбузовской пьесы — мучающийся недоверием Юрий Крестовников. Аналитический ум Волкова и здесь, очевидно, ищет свою концепцию. Но с самого начала он показывает в своем герое лишь результат — страшную деградацию личности, как следствие нравственного предательства. И вот перед нами жизнь, не несущая радости ни себе, ни людям. В Крестовникове развились черты мизантропа. Он физически отвратителен, когда вдруг кричит, повышает голос. Мы не испытываем к нему сочувствия и заранее знаем: этот живой труп не расшевелить даже Настеньке с ее прекрасной любовью. Больше того, удивляемся этой любви — чего она нашла в нем? Логика актерского замысла вступает в противоречие с логикой пьесы.

Словом, достоинства актера здесь перешли в недостаток. А, может быть, мы натолкнулись на очень важную для Волкова проблему — специфику его дарования, и в этом смысле неудача была нужна для него? Это и повод для режиссерского размышления об использовании актера — до сих пор оно несколько однопланово.

Впрочем, Н. Волков еще только пробует свои силы. Еще только ищет свою актерскую тему, свой стиль. Он на подступах к зрелости, когда задатки выкристаллизовываются в достоинства. Что ж удивляться, что многое еще впереди. Это ведь не беда. Это — счастье актера.

Ю. МАТАФОНОВА.

На снимке: Н. ВОЛКОВ.

Фото В. Велугина.